

А. В. Предтеченский *

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Первая четверть XIX в. была временем крупнейших перемен в хозяйстве России. Уже в предшествующем столетии товарно-денежные отношения медленно, но неуклонно вытесняли натурально-хозяйственные, и веками слежавшиеся пласты натурального хозяйства взрывались один за другим. Общественное разделение труда уже к концу XVIII в. сделалось достаточно заметным, в начале же следующего столетия оно развивается темпами, далеко оставляющими за собой XVIII в. Дифференцирование страны на районы — промышленный и земледельческий — и отделение в каждом районе деревни от города было настолько очевидным для всякого мало-мальски наблюдательного современника, что нелепыми казались мысли некоторых чудаков, все еще мечтавших о сохранении патриархальных хозяйственных отношений во всей их «до-петровской» чистоте. Быстро растет внутренний сельскохозяйственный рынок в результате столь же быстрого роста городского населения. Хлеб для жителя города и пенька, лен, шерсть, сало для развивающейся промышленности — таковы основные продукты сбыта на внутреннем рынке, еще сильнее развивается спрос на те же товары на внешнем рынке. Промышленный переворот, к началу XIX в. закончившийся в Англии и начавший свое победное шествие в других странах Европы, вызвал там небывалую доселе нужду в сельскохозяйственных продуктах, удовлетворить которую Россия имела полную возможность. Роль ее, как поставщицы хлеба и сельскохозяйственного сырья в страны Запада, отчетливо рисовалась современникам, и всеобщее признание могли получить слова А. С. Кайсарова, написавшего в своей диссертации (1806 г.), что России самой природой предназначено быть житницей Европы. Столь же интенсивно развивается и промышленность. Огражденная высокими таможенными пошлинами от конкуренции

* Предлагаемая читателю статья не была опубликована автором при жизни. Печатается с некоторыми сокращениями.

передовых индустриально развитых стран, русская промышленность в первой четверти XIX в. делает успехи, превосходящие развитие всего предшествующего столетия. Эти успехи рождают у некоторых из наиболее ретивых поборников промышленного развития России гордую мысль о возможности для русской промышленности достичь уровня западноевропейской в срок, продолжительность которого определяется отнюдь не столетиями.

Попытки отыскать новые пути в способах и приемах ведения хозяйства наталкивались на полное неумение, отсутствие необходимых знаний и опыта у русского дворянства. Тут-то и пришла на помощь экономическая литература, быстро сумевшая понять требования момента. Выпуск печатных изданий, разрабатывавших экономические темы, в первой четверти XIX в. чрезвычайно увеличивается по сравнению с предшествующим временем. В этих изданиях заметное место принадлежит периодике. Экономические журналы, число которых в XVIII в. измерялось единицами, теперь появляется уже в гораздо большем количестве — в течение первых 25 лет XIX в. только новых журналов и газет выходило 18.¹

Все экономические журналы, выходившие в первой четверти XIX в., можно разбить на две категории. Одну из них составляли те издания, которые освещали исключительно практические вопросы экономики. Ко второй — относились журналы, разрабатывавшие не только практические, но и теоретические проблемы. Первая категория значительно превосходит по численности вторую, что свидетельствует о большой потребности дворянских и буржуазных кругов в знакомстве с хозяйственной практикой. Из журналистики этой категории прежде всего следует назвать издания Вольного экономического общества. Помимо «Трудов», продолжавших выходить в первой четверти XIX в. почти ежегодно и по старой программе, Общество начало выпускать несколько новых изданий. В 1805 г. стал выходить ежемесичник «Круг хозяйственных сведений», с 1807 г. замененный «Полной системой практического сельского домостроительства». Это был популярный журнал, содержащий самые разнообразные сведения, полезные в домашнем хозяйстве. Здесь можно было прочесть о способах предохранить растения от мороза, о лечении поноса у домашних животных, о выделке свиной кожи, о подслащивании водок и т. п. Вольное экономическое общество прекрасно учитывало потребность в такого рода популярном издании, объясняя появление его тем, что многие хозяева не в состоянии покупать «большие и высокоценные тома» за недостатком средств, да, помимо этого, не имеют и «довольно свободного времени заниматься чтением оных и выбирать из них нужные для себя сведения и употребительные правила». Совершенно такой же характер носило и другое издание Общества — «Хозяйственные записки», выходившие с 1812 по 1815 г., более серьезные по содержанию «Записки деяний Вольного Экономического Общества», выпускавшиеся с 1802 по 1811 г. самостоятельно, а с 1813 г. как составная часть «Трудов». Материал «Записок» по темам и характеру совпадал с материалами «Трудов».²

Разработкой практических вопросов сельского хозяйства занимался, начиная с 1821 г., «Земледельческий журнал» Московского общества сельского хозяйства. Это был один из лучших сельскохозяйственных журналов дореволюционной эпохи. В нем печатались серьезные статьи по вопросам общего характера. Например, в № 3 за 1821 г. была помещена работа М. Павлова «О главных системах сельского хозяйства с приурочением к России», в которой автор сжато, но с исчерпывающей полнотой рассказывал о трехполье, плодопеременной системе и т. д. В нескольких своих теоретических статьях, помещенных в разных номерах журнала, Павлов заявлял себя сторонником физиократической школы. Журнал имел несомненный успех: тираж его повышался из года в год, а комплекты первых лет были напечатаны вторым изданием. В 1807 г. выходил еще один сельскохозяйственный журнал, явившийся продолжением «Круга хозяйственных сведений» и получивший название «Экономического журнала». Издавал его В. Г. Кукольник — один из образованнейших людей своего времени. Он сочетал в своем лице ученого-юриста и прекрасного знатока сельского хозяйства. В журнале его помещались небольшие, популярно написанные работы, посвященные различным вопросам агрономии.

Вопросы не только сельскохозяйственной, но и промышленной технологии, освещались в целом ряде журналов. Из них должен быть назван в первую очередь «Технологический журнал», издававшийся Академией наук с 1804 по 1815 г. (с 1816 по 1826 г. он выходил под названием «Продолжение Технологического журнала»). Первым редактором его был известный физик и минералог академик В. М. Севергин, часто сам помещавший в нем статьи. Издание было рассчитано на серьезного читателя, которому технологические знания были нужны не в домашнем быту, а для организации производства. Такие статьи, как «Описание деления латуни в Ежевском заводе», «О железоплавленных промыслах в Новгородской губернии», «О перегонке масел» и т. п., должны были восполнить отсутствие знаний в области технологии у русского предпринимателя эпохи зарождения промышленного капитализма. Точно такой же характер носили два московских технологических журнала — «Журнал полезных изобретений» (1806 г.) и являющееся продолжением его «Повременное издание о полезных изобретениях» (1807—1810). Оба они издавались при Московской губернской гимназии под редакцией адъюнкта университета П. М. Дружинина.

Если упомянуть еще об «Указателе открытий по физике, химии, естественной истории и технологии», издававшемся в Петербурге с 1824 по 1831 г. под редакцией профессора университета Н. П. Щеглова, то список технологических журналов серьезного характера будет исчерпан.

Задачу популяризации технологических знаний среди широких читательских кругов брали на себя другие журналы. Из них известностью пользовался издававшийся В. Левшиным в Москве в 1814—1815 гг. «Экономический и технологический магазин». В таком же

роде был и другой московский журнал — «Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических» (1820—1830 гг.), издававшийся профессором Московского университета И. А. Двигубским.

Чтобы исчерпать список изданий экономического характера, преследовавших практические цели, следует упомянуть еще об официальных газетах. Таковы «С.-Петербургские коммерческие ведомости» и «С.-Петербургский прейс-курант». Обе они печатали официальные указы и распоряжения, помещали известия, касающиеся торговли, финансов, мореплавания и прочего, изредка сообщали об открытиях и изобретениях в области промышленной техники. «С.-Петербургские коммерческие ведомости» выходили с 1803 по 1810 г., в 1811 были соединены с «Северной почтой», а с 1824 г. были переименованы в «Коммерческую газету». Под названием же «С.-Петербургского прейс-куранта» (1806—1857) выходили официальные торговые бюллетени, издававшиеся сначала коммерц-коллегией, а, по упразднении ее, Министерством финансов.

Категория журналов, освещавших вопросы теоретической экономики, была значительно меньше. В первой четверти XIX в. таких журналов выходило всего четыре: «Дух журналов», «Статистический журнал», «С.-Петербургский журнал» и «Северная почта». Оставляя в стороне «Дух журналов», остановимся на трех других. Ни одно из этих изданий не может быть названо чисто экономическим, так как каждое помещало на своих страницах не только экономический материал. Однако вопросы хозяйства занимали в них такое почетное место, что их нельзя не отнести к разряду экономической журналистики. «Статистический журнал» выходил в Петербурге с 1806 по 1808 г. под редакцией основателя науки статистики в России профессора Петербургского университета К. Ф. Германа. В первом номере журнала Герман так разъяснял его задачи: «Занятие сего журнала будет общее с занятием статистики. Она ничего не хвалит, ничего не опорочивает. . . Статистика изображает государство таковым, как оно есть, ничего к тому не прибавляя». Этот тон академической «объективности», который Герман старался выдержать в своем журнале, не мешает, однако, разглядеть явное желание редактора доказать, что Россия по своему экономическому состоянию вовсе не принадлежит к числу безнадежно отсталых стран и что перед ней развертываются заманчивые перспективы капиталистического преуспеяния. В «Статистическом журнале» принимали участие виднейшие ученые того времени — Александровского царствования. Так, в первом номере за 1806 г. была помещена статья М. Балугьянского под названием «Национальное богатство. Изображение различных хозяйственных систем». Автор излагает теории меркантилистов, физиократов и Адама Смита, причем делает это настолько осторожно, что нельзя уловить, какой из этих школ он отдает предпочтение. По словам автора статьи о Балугьянском (в «Критико-биографическом словаре русских писателей») эта работа была замечательна тем, что

она создала «Существующую в нашей литературе терминологию политической экономии».

Значительный интерес представляет собой «С.-Петербургский журнал», издававшийся Министерством внутренних дел с 1804 по 1809 г. Редактором его, как можно предположить, был М. Н. Баккаревич. Занимая должность инспектора Московского университетского пансиона, где он преподавал русскую словесность, Баккаревич в 1804 г. оставил педагогическую работу и поступил на службу в Министерство внутренних дел. Министру народного просвещения Завадовскому он представил проект издания журнала, который предлагал назвать «Правительственным журналом». Новый орган должен был явиться изданием, совершенно небывалым в истории русской журналистики. В нем предполагалось помещать все государственные акты, законы, отчеты министров, мнения сенаторов по важнейшим делам, наиболее замечательные письма государю и т. п. Как и можно было ожидать, грандиозный по размаху проект Баккаревича в высших сферах сочувствия не встретил, но мысль об издании органа, в котором нашли бы себе отражение некоторые мероприятия правительства, была поддержана. Этим достигалась иллюзия гласности правительственной политики, о которой много говорилось в первые годы Александровского царствования. Так возник «С.-Петербургский журнал». В каждом номере (выходил ежемесячно)³ было два отдела. В первом печатались официальные документы, как, например, отчеты министра внутренних дел, отдельные распоряжения по министерству и т. п., второй же — составлялся из «разных сочинений и переводов, вообще по предметам управления принадлежащих», отрывков из произведений иностранных писателей, среди которых Бентам и Смит занимали первое место. С именем Бентама связаны попытки реформ в англomanском духе, охватившем в первые годы XIX в. значительные круги дворянства и проникшем даже в среду членов Негласного комитета. Им хорошо был знаком Бентам, идеи которого они стали всячески пропагандировать. В Негласном комитете даже обсуждался вопрос о привлечении самого Бентама к работе над преобразованием государственного строя в России. Таким же авторитетом в кругах англomanствующего дворянства пользовалось имя Смита. Нет ничего удивительного поэтому, что почетное место в «С.-Петербургском журнале» занимали сочинения этих двух авторов. Из Бентама были напечатаны следующие отрывки: «О пользе просвещения», «О свободе книгопечатания» (1804, № 2), «О необходимости утверждать законы на причинах» (1804, № 6). Часто в журнале упоминалось имя Смита, которого редакция называла «великим человеком» и указывала, что «им постигнута великая истина». Смит посвящена была отдельная большая работа, напечатанная в № 7 за 1804 г., — «Изложение учения Адама Смита и сравнение оного с учением французских экономистов». В ряде экономических статей, помещенных в «С.-Петербургском журнале», таких, как «О деньгах, рассматриваемых, как посредство торговли, и о том, в каком смысле составляют они обществен-

ное богатство» (1806, № 2), «Краткое обозрение российской торговли» Вирста (1806, № 5) и других, — излагалась смитианская точка зрения.

Очень определенно проводимая «С.-Петербургским журналом» англофильская ориентация в вопросах политики и экономики позволяет отнести это издание к числу дворянской публицистики в ее наиболее для первых лет XIX в. законченной форме. Англоманские настроения культивировались преимущественно в среде крупнопоместного дворянского землевладения. Связанные с Англией тесными экономическими узами, крупные дворяне были сторонниками заимствования тех черт английской культуры, которые наиболее соответствовали их классовым интересам. Увлечение идеями Смита находило в этой среде самое широкое распространение. Ничего не могло лучше отвечать экономическим интересам крупных землевладельцев, чем фритред, и формула *laissez faire laissez passer* приобретала для них до реальности ощутимый смысл. Точно также и реформы в области государственного строя в духе английской конституции имели целью утвердить господствующее положение высших слоев дворянства, несколько пошатнувшееся к началу XIX в. в связи с образованием довольно многочисленной группы буржуазии и увеличением кадров служилого дворянства. Политические реформы в английском духе должны были дать дворянской аристократии такие конституционные гарантии, которые обеспечивали бы за ней исключительное влияние в стране.

Единодушный протест широких дворянских масс против подобной тенденции скоро привел к тому, что англоманские настроения в высших правительственных сферах стали исчезать. Эта перемена отразилась и на «С.-Петербургском журнале»: уже в 1806 г. отрывков из Бентама и Смита печаталось значительно меньше, чем в течение двух предшествовавших лет, а в следующие годы они совсем исчезают со страниц журнала. Все больше и больше места отводится официальному отделу, материал которого начал заполнять собою почти целиком все номера. «С.-Петербургский журнал» в прежнем виде, с прежней программой и со старым составом сотрудников был явно обречен на смерть, и в 1808 г. его издание прекратилось. Однако мысль о печатном органе Министерства внутренних дел не была вовсе оставлена. В следующем году издание возобновилось, но уже при других экономических и политических условиях: наступил резкий поворот в экономической политике правительства в связи с последствиями континентальной блокады. В 1810 г. начал выходить новый орган Министерства внутренних дел, значительно отличавшийся от «С.-Петербургского журнала» и по программе, и по руководству. Это была «Северная почта», или «Новая С.-Петербургская газета», заслуживающая особого внимания.

Как и большинство журналов и газет рассматриваемого времени «Северная почта» не была чисто экономическим изданием. Разнообразие тем, затрагиваемых на ее страницах, находит себе объяснение прежде всего в том, что ей предназначалась роль официоза рус-

ского правительства. История появления этого издания такова. 20 апреля 1809 г. Сперанский разослал министрам секретную записку, озаглавленную «О составе статей для напечатания в газетах». В записке предлагалось каждому министерству посылать Сперанскому материалы, по которым он будет составлять статьи для газет. Мотивировалось это предложение тем, что в обществе распространяется множество неправильных и вредных слухов по поводу правительственных мероприятий, а потому правительство должно позаботиться о «направлении общественного мнения на путь истины». Эта мысль Сперанского осуществилась в гораздо более широком плане, чем предполагалось вначале. Правительство, не удовлетворяясь помещением инспирированных им статей в различных периодических органах, пришло к заключению о необходимости иметь свой собственный официоз. Им и предстояло сделаться «Северной почтой».

20 августа 1809 г. Министерство внутренних дел разослало губернаторам циркуляр, в котором они приглашались доставлять «Северной почте» все известия, могущие быть напечатанными в ней, а Аракчееву в особом рескрипте было предписано давать редактору «Северной почты» сведения «по воинской части» во избежание неправильных слухов о военных делах. Таким образом, официозный характер нового издания делается совершенно ясным.

Редактором нового органа по высочайшему повелению был назначен товарищ министра внутренних дел О. П. Козодавлев, через год после принятия им «Северной почты» под свое руководство ставший министром. Это была крупная фигура того времени. Закончив образование в Лейпцигском университете, Козодавлев по возвращении в Россию получил назначение на скромную должность сенатского протоколиста, и отсюда началась его блистательная административная карьера. Козодавлев был далеко не чужд литературе. В молодости он заведывал изданием «Собеседника любителей российского слова» и полного собрания сочинений Ломоносова. Энергичная административная деятельность не отрывала его от литературной работы и в позднейшее время. Он занимался переводами, переделками, писал оригинальные статьи, помещаемые в различных периодических изданиях, в том числе и в «Северной почте». Литературные труды доставили ему звание члена Российской Академии. По своим общественным взглядам Козодавлев примыкал к числу либералов и отстаивал свои воззрения с твердостью и постоянством. В экономических вопросах он занимал крайнюю протекционистскую позицию, являясь одним из ведущих антифритредерского лагеря и находясь во главе Министерства внутренних дел.⁴ Редактирование «Северной почты» отлично образованным, умным, либерально настроенным министром усиливало к ней интерес, и читательский контингент «Северной почты» далеко выходил за пределы круга лиц, интересовавшихся экономическими вопросами. Она была хорошо известна среди разнообразных слоев дворянской интеллигенции и этой известностью обязана в первую очередь руководству Козодавлева.

В одной из своих статей в «Вестнике Европы» (1816, № 22) М. Т. Каченовский пишет, что «сия знаменитая газета. . . первая в нашем отечестве начала сообщать публике известия и суждения о выгодах свободного книгопечатания и о благодетельности либеральной конституции». Эти отзывы свидетельствуют о несомненной популярности «Северной почты». Популярность газеты подтверждается еще и тем фактом, что она настолько увеличила число своих подписчиков, что стала обходиться без субсидий, получаемых от правительства; существуя исключительно на подписные деньги. Так утверждает М. И. Сухомлинов в своей «Истории Российской Академии», основываясь на архивных данных.⁵ Весьма вероятно, что успех «Северной почты» несколько уменьшился к 1815 г. в связи с переменной экономической политики: протекционизм, последовательно проводившийся начиная с 1811 г. и встречавший постоянную, самую активную поддержку со стороны «Северной почты», уступает место фритреду (фритредерский тариф 1816 г.). Этим поворотом в экономической политике правительства и объясняется ослабление симпатий к «Северной почте», неизменно остававшейся на протекционистских позициях.

Для направления газеты чрезвычайно характерна хотя бы следующая корреспонденция из Мадрида, помещенная в № 86 за 1814 г. В ней шла речь о слухах по поводу возвращения Испании короля Карла IV. Генерал Мина в изданном им объявлении говорит между прочим о том, что мужественные испанцы постоянно и с величайшей славой сопротивлялись насильственной власти. «Они искали благоразумной свободы и улучшения своего состояния личной безопасностью. Но к чему послужили все эти усилия? Кто стал бы сражаться для того только, чтобы усилить власть не духом Божиим водимых, но духом мира сего и мирским властолюбием зараженных монархов». Корреспонденция заканчивалась такими словами: «Теперь, кажется, никто не усомнится, что гишпанцы имели достаточные причины предлагать королю своему конституцию, которая, без сомнения, послужила бы ко благу и ко славе Испании». Эта смелая корреспонденция появилась по инициативе Козодавлева.

Явно либеральным духом были проникнуты многие другие статьи «Северной почты» на различные общественно-политические темы. Так, например, в № 2 за 1816 г. было помещено письмо из Лондона по поводу «новой английской методы скорого обучения». В нем говорилось между прочим о том, что «заведение школ в народе способствует к искоренению дурных привычек между детьми нижнего состояния и есть наилучшее и надежнейшее средство предупредить зло и преступление». Автор письма выражал надежду, что недалеко то время, когда «государственные люди и законодатели придут к заключению, что нужно стремиться не только к наказанию зла, сколько к его предупреждению». В № 8 за 1809 г. появилась восторженная заметка по поводу Геттингенского университета. По мнению автора, слава университета есть результат неутомимой деятельности его учреждений и правительства, а также

и того «узаконения, освещенного временем и обычаем», по которому право на занятие государственных должностей дается лишь лицам, получившим высшее образование. Даже в пору жестокой реакции «Северная почта» брала на себя смелость выступать с защитой «свободолюбивых начал», из которых свобода книгопечатания представлялась редактору ее одним из важнейших. Не следует удивляться тому, что орган крайних протекционистов, каким была «Северная почта», постоянно говорил о необходимости проведения «свободолюбивых начал». Дело в том, что протекционизм начала XIX в. был политикой в первую очередь русской буржуазии. Система покровительства отечественной промышленности значительно увеличивала удельный вес буржуазии, подрывая монополистическое положение дворянства в хозяйстве страны. Буржуазные тенденции развития русской экономики, разрушая дворянскую монополию в области народного хозяйства, неизбежно требовали и серьезных политических перемен в крепостническом государстве. Вполне естественно поэтому, что та идеология, которая отражала интересы русской буржуазии, была связана с либерализмом, и русские протекционисты не могли не быть либералами.⁶

Гораздо более удивительно то, что официальное издание Александровского царствования заняло либеральные позиции. Как можно предположить, если не все, то многие корреспонденции «Северной почты» проходили через цензуру самого Александра I. Во всеподданнейшей записке от 26 августа 1812 г. Козодавлев пишет о том, что, согласно выраженному государем желанию, он приготовил статью о заключении дружественного трактата с испанским королем Фердинандом VII и представляет ее «на апробацию». Очевидно, апробировалась не только эта статья. И все же, несмотря на высочайшую цензуру, проповедь либерализма не сходила со страниц «Северной почты» даже во второй половине Александровского царствования. Надо полагать, что в числе других причин этого противоречия — одного из многочисленных в политике Александра I — была настойчивость редактора-министра, умевшего спасти свою газету от всяческих подводных камней. «Северная почта» держалась только благодаря Козодавлеву и тотчас же после его смерти была закрыта.

Наибольшее внимание «Северная почта», как уже было сказано, уделяла вопросам хозяйства. В ней постоянно печатались заметки по поводу деятельности фабрик и заводов, торговли и земледелия. Иногда помещались и большие статьи на эти темы. Более всего материала было посвящено промышленному развитию страны, за которым газета внимательно следила. обстоятельно освещалась работа промышленных предприятий, отмечалось всякое, даже ничтожное, завоевание в области промышленной техники, многие заметки говорили об изобретениях и усовершенствованиях русских фабрикантов, печатались статистические сведения о фабриках и заводах. Нередко появлялись и большие обзоры, посвященные промышленности, например, статья «О нынешнем состоянии мануфактур в России», помещенная в № 19—46 за 1812 г., или обшир-

ные «партикулярные письма», в которых излагались подробные сведения о деятельности фабрик и заводов целого города или губернии. Охотно отводила место «Северная почта» и программным статьям, в которых находили себе отражение взгляды редакции по вопросам экономической политики, например, «Выписка из партикулярного письма» в № 9 за 1816 г. или «Мысли россиянина о внутреннем хлебном торге», принадлежавшие перу самого Козодавлева и помещенные в № 64, 66, 68 и 70 за 1810 г. (Позднее они были напечатаны отдельным изданием.) Весь этот материал настолько обилен и содержателен, что «Северная почта» может служить одним из важных источников по истории развития народного хозяйства в первой четверти XIX в.

Было бы, однако, большой ошибкой отнести к нему, как к совершенно достоверному: «Северная почта» часто переоценивала данные в области промышленного развития страны, имевшиеся в ее распоряжении. Одним из ярких доказательств такой переоценки является упомянутый выше обзор «О нынешнем состоянии мануфактур в России». Этот обзор написан сенатором Аршеневским, командированным Козодавлевым в ряд губерний для осмотра фабрик и заводов. Аршеневский, по возвращении из поездки, представил несколько отчетов, которые и были использованы для «Северной почты». На основании их можно было бы прийти к заключению, что русская промышленность весьма интенсивно развивается. Однако в личных бумагах Козодавлева сохранилась докладная записка Аршеневского, обращавшая внимание на многие чрезвычайно серьезные недостатки промышленного развития страны. Эта записка, конечно, напечатана не была, а в то же время она вносит существенный корректив в характеристику положения, данную «Северной почтой».⁷

Политика протекционизма была теснейшим образом связана с выдвижением на передний план буржуазии. Дворянское предпринимательство, поднять которое не раз пробовало правительство в XVIII в., не дало почти никаких результатов, и настоящими хозяевами промышленности к началу XIX в. стали представители «среднего сословия». Развитие протекционистической политики усиливало значение буржуазии, которая вырастала в общественную группу, достаточно влиятельную, для того чтобы интересы ее были приняты во внимание при проведении экономических мероприятий правительства. «Северная почта», неустанно пропагандировавшая протекционизм, не могла поэтому не брать под свою защиту представителей промышленного капитализма. Внимательнейшим образом она отмечала успехи отдельных владельцев фабрик и заводов, всячески рекламировала их изделия, с особой поспешностью оповещала о полученных ими наградах или отличиях. Столь большая заботливость «Северной почты» о делах русских промышленников сделала среди них имя ее редактора широко популярным. Он с полной справедливостью заслужил в кругу заводчиков и фабрикантов славу постоянного «представителя» их интересов перед правительством. «Северная почта» сделалась таким

образом едва ли не первым в русской периодической печати буржуазным органом. Конечно не могло быть и речи о непосредственном обслуживании газеты силами самой буржуазии: в начале XIX в. она еще не имела для этого своих «кадров». Тем не менее буржуазная ориентация «Северной почты» становится ясной даже при беглом знакомстве с печатавшимся в ней материалом.

Вполне естественно, что «Северная почта» уделяла место и событиям литературной жизни. Нередко в ней помещались заметки о вновь вышедших книгах. Так, отмечалось появление отдельных томов «Истории Государства Российского» Карамзина, стихотворений Жуковского, Хвостова и других авторов. Печатались известия о заседаниях литературных обществ, о библиотеках, о театре. События научной жизни также находили себе отражение в «Северной почте». Заметки о научных путешествиях и открытиях, об ученых трудах, об университетах не раз встречаются в газете. Литературные вкусы редактора «Северной почты» накладывали известный отпечаток на ее содержание. Козодавлев делал даже попытки привлечь к сотрудничеству в его газете виднейших писателей. Так, он обращался к Карамзину и Хвостову с просьбами участвовать в редактируемом им издании. Но по неизвестным нам причинам из этих попыток ничего не вышло. Надо сказать, что вообще в литературных кругах «Северная почта» никогда не привлекала серьезного внимания. Отношение к ней носило несколько иронический характер. Так, кн. Вяземский писал А. И. Тургеневу в 1824 г.: «По кончине „Северной почты“ мы не знаем даже, когда Ока замерзает и бывают ли дожди в Тамбове. Мы Козодавлеву можем сказать с узником:

Скажи, любимый друг природы,
По прежнему ль в лугах цветы,
Душисты рощи, ясны ль воды.

Но „любимый друг природы“ спит непробудным сном, поплавок его потонул в кунжутном масле (намек на то, что Козодавлев очень много писал в газете о кунжутном масле. — А. П.), и мы не знаем, что сделалось с весной». Известностью пользовалась следующая анонимная эпиграмма, свидетельствующая также о несерьезном отношении писательской среды к «Северной почте»:

Амуру в новоселье
Несет министр овец:
Российского изделья
Суконный образец.
Я знаю, говорит, сукно мое дрянное,
По ты носи, любя меня,
И в «Северной» о друге я
Скажу слово — другое.

Попытки привлечь к сотрудничеству видных литераторов кончились неудачей, и Козодавлеву пришлось ограничиться теми источниками, какие имелись в его распоряжении. Каковы же были эти источники?

После смерти Козодавлева его преемник на

внутренних дел писал в докладе Александру I по поводу «Северной почты», что большинство того материала, который печатается в газете под рубрикой «Внутренние известия», есть не что другое, как донесения почтмейстеров, «которым доставление оных вменено некоторым образом в обязанность». Очевидно, почтмейстеры и являлись основными сотрудниками газеты. Кроме них, как об этом можно судить на основании переписки Козодавлева с Руничем, в Москве, корреспонденции откуда печатались очень часто, существовало несколько постоянных корреспондентов, близких к торгово-промышленным кругам Москвы. Немалое количество материалов черпала для себя «Северная почта» из различных русских и иностранных газет. Для редакции выписывались «Сенатские ведомости», «С.-Петербургские ведомости», «Казанские известия», «Харьковские известия» и другие. Нет никакого сомнения, что все, печатавшееся «Северной почтой» в отделе «Иностранные известия», было заимствовано ею из зарубежных газет, и никаких корреспондентов за границей она не имела.

Когда Козодавлев умер, Александр I поручил новому министру внутренних дел гр. Кочубею совместно с кн. Голицыным решить вопрос о «Северной почте», сказав при этом, что удобнее всегда газету издавать от каких-либо частных лиц. Само собой разумеется, что против высочайшей воли ни Кочубей, ни Голицын протестовать не стали, тем более, что и сами они не могли питать к «Северной почте» особых симпатий. Александру I была представлена записка, в которой оба министра высказывались за закрытие газеты, мотивируя это решение тем, что газета, издаваемая министерством, «может быть предметом разных неосновательных заключений».

¹ По вычислениям С. Каратаева (см.: *Каратаев С.* Библиография финансов, промышленности и торговли. СПб., 1880, с. IX) с 1714 по 1805 г. книг и статей, посвященных экономическим вопросам, вышло 271, а с 1806 по 1830 г. 399.

² Нельзя не отметить усиление издательской деятельности Экономического общества и по выпуску непериодических изданий: с 1765 по 1800 г. им было напечатано 17, а с 1800 по 1825 г. 27 названий.

³ Не смешивать с «С. Петербургским журналом» И. Пнина.

⁴ Подробнее см.: *Предтеченский А. В.* Из истории русского протекционизма. — В кн.: *Разложение крепостного права.* М., 1933.

⁵ *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. СПб., т. 6, с. 231—263.

⁶ Подробно об этом см.: *Пичета В. И.* Фритредеры и протекционисты в России в первой четверти XIX в. — В кн.: *Книга для чтения по истории нового времени.* М., 1912, т. 3, с. 620—654; *Туган-Барановский М. И.* Русская фабрика. СПб., 1898, гл. VIII.

⁷ Записка опубликована мною. См.: *Предтеченский А. В.* История основания мануфактурного совета. — *Известия Академии наук*, 1932, № 5.